

Автор:

Андрей Колесников,
специальный корреспондент ИД «Коммерсантъ»

Алена показала мне иконку в Ване телефоне — и я онемел. Он записал видео. Это было порно. Я его даже посмотрел.

Мы, кажется, только что отпраздновали его десятилетие. Но не двадцатилетие же! Что это было? И что делать? И как с этим жить? Ему? Мне? И главное, не вершина ли это айсберга? И что я знаю про своего сына? И значит, он живет совсем в другом мире. И это не просто другой мир. Это мир, который он от меня тщательно скрывает.

И это отвратительный для десятилетнего ребенка мир.

— Ты смотрел это? — спросил я его.

Он, конечно, сказал, что не смотрел.

— А ты еще что-нибудь такое записывал?

Нет, он не записывал.

— А где ты это нашел?

Нет, он не знает, где он это нашел.

— А знаешь, папа, — вдруг оживился он, —

мы же в школе каждый день играем в футбол. И я каждый день девочкам на один час отдаю телефон. Это, наверное, они записали, чтобы посмеяться!

Я предложил ему все-таки вспомнить, не он ли записал себе это видео. Я дал ему время до утра. Он пожал плечами. Было ясно, что он не вспомнит.

Я, конечно, конфисковал телефон. Вечером я страдал от того, что купил ему такой дорогой телефон на платформе «Андроид» с «Маркетом», откуда можно скачать все что угодно. Смущало меня только то, что он ведь, получается, и номер моей карточки должен знать. Неужели так далеко зашло дело? Хотя, с другой стороны, там ведь много бесплатных товаров...

Впрочем, я уже ничего не исключал.

Потом я изучил содержимое телефона и понял, что дело и вправду гораздо серьезнее, чем я даже мог бы предположить. Оказалось, что в

списке принятых файлов почти два десятка — порновидео.

Я всю ночь мучился, представляя себе Ваню за просмотром этих файлов. Вот почему он так дорожит этим телефоном и ни на секунду не расстается с ним. Вот почему, когда он недавно потерял его, то два дня страшно рыдал. А когда я сказал, что раз он потерял, то у него больше никогда не будет телефона (я пообещал это, покупая телефон, — уже, наверное, десятый по счету за его недолгую жизнь), он, захлебываясь от сотрясавших его рыданий, согласился и замолчал еще на два дня. Теперь я понимал, каких истинных страданий ему стоила вся эта история.

Понимал я теперь и его сверхъестественную радость, когда телефон, лежавший в кресле между двух подушек, вдруг нашелся. Ваня даже Маше дал на радостях поиграть в какие-то игры, а уж это что-то да значит.

И вот теперь выяснялось, что я своего Ваню все эти годы принимал за другого человека. Он не просто оказался таким, который проводит время в просмотривании этих файлов, а он оказался таким, который ведет двойную жизнь.

Когда-то утром, перед тем как я пошел в школу, мой отец наткнулся на шкатулку, в которую я собирал деньги, которые иногда выпадали из мамино или папиного кошелька. Я никогда не воровал у них деньги, мне и в голову-то никогда бы не пришло, это было слишком опасно.

Отец взял в руки шкатулку, встряхнул ее (я вздрогнул), она тяжело и звонко ухнула, и поставил на место. Я его хорошо видел, а он меня — нет. Он просто не хотел портить мне целый день в школе своими вопросами. И все-таки это был адский день. И вечером он меня спросил. И я вдруг понял, что мне нечего ответить. Все равно они не поверят.

Мне тогда было столько же лет, сколько сейчас Ване. Я понимал тогда, что любое объяснение и правда будет выглядеть жалко, потому что все равно остается вероятность того, что я вытаскивал эти монетки у родителей из карманов.

И теперь я думал о том, что, может, не надо горячиться и что вдруг всему еще найдется какое-то простое объяснение. Но на самом деле я понимал, что никакого простого нет и быть не может. А будет все труднее и труднее.

Я убрал это видео, я закрыл Ване вход на «Маркет» и хотел вообще закрыть доступ в интернет. Я первый раз столкнулся с проблемой, о существовании которой столько читал. Что вообще в такой ситуации делать? Нельзя же поставить, как на «НТВ+», родительский код. Но

какие-то механизмы же существуют... Впрочем, ребенок, который живет двойными стандартами в отношениях с родителями, все равно найдет способ обойти эти механизмы.

А еще дружки у него... И они вместе же наверняка проводят время. Мне становилось все хуже.

Утром я повез их в школу. Ваня выглядел абсолютно невозмутимым, потому что хотел спать. Разговора не получилось.

— Папа, а ты что, не хочешь обсудить с Ваней то, что было вчера? — вдруг спросила Маша.

— А ты что-то об этом знаешь? — спросил я.

— Я не знаю, — сразу сказала Маша. — Я знаю только, что Ваня записал какое-то запретное видео.

Я вздохнул: ни одно слово, мое или их, не шло на пользу этой ситуации. «Запретное»... Сколько романтизма в этом слове. Сколько скрытого восхищения перед этим плодом.

Мы встретились вечером, когда я еще глубже изучил вопрос, взглядевшись в содержимое телефона. Мальчик принимал эти видеофайлы, но не смотрел их. То есть он набирал их про запас. Я окончательно запутался.

— Папа, — закричал мне Ваня, только увидев. — Я все понял! Я сейчас тебе все покажу! Ты дашь мне телефон?

В его руках оказался его любимый телефон. В одно мгновение он нашел игру, на которой стоял небольшой ярлычок.

— Вот он! — восторженно закричал Ваня.— Если сюда не нажать, в игру не войти, понимаешь? А я не знаю, как его убрать. Наверное, когда я нажимаю, отсюда все эти запретные файлы появляются! Откуда же еще? Хочешь, нажмем?

Вы думаете, я не захотел? Я нажал. Все подтвердилось. Теперь я мог бы еще активировать эти файлы, то есть сделать то, чего так и не сделал Ваня. Но я не стал. В конце концов, это я и так в интернете смогу сделать, если захочу...

Я, вообще-то, когда он все сказал, испытал неземные чувства. Даже что-то близкое к тому, что испытывают люди в этих запретных файлах. Мой сын был со мной. Это был снова мой сын. Мой Ваня. Мой родной.

Но ведь однажды он кликнет сюда еще раз.

Опубликовано:

журнал «Коммерсантъ Weekend»,

№ 48 (3644), 16.12.2011

<http://www.kommersant.ru/weekend/61713>